

**ПСИХОБИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ
НОЗОГЕНЕЗА ПОГРАНИЧНЫХ
ПСИХИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ**

И.В. Реверчук

Республиканская клиническая психиатрическая больница, Ижевск

Целью психолого-психотерапевтического анализа в психотерапии пограничных психических расстройств (ППР) является выявление проблем, конфликтов, комплексов клиента-пациента, формирующих контекст психотерапии. С позиции психотерапии личность может рассматриваться как системное образование на множественных структурных уровнях, теснейшим образом взаимосвязанных (Р.Д. Тукаев, 1997-2005). При их рассмотрении возможно вычленение нескольких интегративных подходов. Первый подход позволяет выделять: 1) биосоциально-психологический уровень, учитывающий влияние на поведение биосоциальных, популяционных, архетипических механизмов регуляции поведения и проявляющийся на всех других уровнях; 2) культуральный, социально-психологический уровень; 3) коммуникативный, межличностный уровень; 4) интрапсихический уровень. Второй, структурно-динамический, традиционный подход построен на дихотомии сознания и бессознательного. Третий программно-исторический подход позволяет рассматривать личностную историю как реализацию двухуровневых жизненных программ: биологической программы жизни и биографической семейно-культуральной программы жизни. При внимательном изучении достижений психологии и психотерапии исследования структуры и динамики личности человека в норме и патологии интересен момент: биологическая детерминированность деструктивного поведения при возникновении ППР до сих пор остается "белым пятном" научного познания, несмотря на аксиому единства "тела-души-духа". Гуманистически ориентированная психология просто обходит этот вопрос, когнитивно-бихевиоральная — механически использует рефлекторный принцип научения в практике, лишь психодинамическое направление обращается к либидонозным и мортидонозным "кор-

ням" Ид невротических расстройств, формирующих силу вектора аутоагрессии-гетероагрессии. Попытаемся разобраться в вопросе, заложены ли эволюционно в человеке механизмы изменения поведения, как конструктивные, так и деструктивные, при значимо изменяющихся факторах внешней или внутренней среды? И здесь на помощь приходят исследования структурной антропологии и этологии — наук, изучающих человеческое в поведении животных.

Ответ неоднозначен: происходит изменение (по мере давления микро- и макросреды) *стереотипа, ритуала, традиции и архетипа* поведения и отношений животных. Под популяционным гомеостазом обычно понимается устойчивость демографической и генетической структуры популяции на довольно больших временных интервалах. Одним из критериев популяционного гомеостаза является численность-плотность популяции. Концепция популяционного гомеостаза в экологии связана с представлением о "стремлении" каждого вида к неограниченному размножению, сдерживаемому у человека личностными и социальными установками. При этом насыщение численности и расход ресурсов наступают быстро, необходимы соответствующие регуляторы, способные сдерживать рост численности. Детальные исследования процессов взаимодействия популяции со средой выявили два типа популяций, имеющих разные стратегии приспособления к изменчивым внешним условиям. Р. Мак-Артур и Э. Вильсон в 1967 г. предложили представление о г-К-отборе, соответствующем двум типам популяционных стратегий. Популяции, для которых характерна г-стратегия ("оппортунистические" популяции) "стремятся" к максимальной продуктивности в максимально короткие сроки, что наблюдается в изменчивой, нестабильной или неопределенной среде. При такой стратегии плотность популяции находится в прямой пропорциональной зависимости от ее численности, а основным регулирующим механизмом для популяции является среда. Данный тип фактически не наблюдается в человеческой организации, проявляется лишь в период природных катаклизмов усилением миграции и ростом расстройств адаптации мигрантов. Популяции, для которых характерна К-стратегия (равновесные по-

пуляции), чаще находятся в состоянии равновесия со своими ресурсами. Их плотность близка к предельной плотности насыщения для данного вида (параметр K). Они, как правило, обитают в устойчивой или предсказуемо изменяющейся среде. Поэтому основными механизмами популяционной регуляции выступают здесь *внутрипопуляционные* механизмы. Среди них главную роль играют *поведенческие* механизмы, которые направлены — и по времени и по форме — на поддержание стабильной плотности и численности.

По данным Меерсон (1981), изменение поведения вызывает серию сцепленных реакций на психофизиологическом, физиологическом, биохимическом и цитогенетическом уровнях — "системный структурный след", который может прямо фиксироваться в геномном пуле популяции. Многочисленные исследования показывают, что поведенческая регуляция численности и плотности популяции присутствует практически у всех видов животных и не зависит от типа стратегии. Выделяют три поведенческих механизма регуляции популяционного гомеостаза: 1) изменение индивидуального поведения животных при кратковременных или долгосрочных изменениях среды; 2) обратимая трансформация структуры сообщества (дема, калана, стаи) — изменение структуры взаимодействий индивидов в рамках отдельного сообщества, в результате меняется форма сообщества. Переход от одной формы к другой затрагивает либо все виды взаимодействий индивидов, либо только основные; 3) изменение поведенческой организации всей популяции. Все три поведенческих механизма регуляции взаимодействуют, но центральным звеном остается механизм трансформации *социальной структуры* сообщества (Шилов, 1977). Зафиксируем главнейшее свойство социального поведения при двойственности его функции: при видимой пластичности социальное поведение весьма консервативно. Все варианты структуры отношений заранее детерминированы, и переходы от одной структуры к другой осуществляются по *определенным* правилам и соответственно конкретным условиям. Неравенство индивидов в сообществе по предоставленным благам и по возможностям реализации своего репродуктивного потенциала — явление всеобщее и в своей

основе может не иметь никакого социального механизма: например, у человека 40 % ныне живущей популяции дают 60 % потомков, а 60 % — только 40 % потомков (Cavalli-Sforza, Bodmen, 1971).

При возникновении "конфликта" со средой изменяются *стереотипы* поведения. Понятие "стереотип" ("твердый отпечаток") является междисциплинарным и широко используется в науках о поведении (этологии и психологии) и социогуманитарных дисциплинах. Под стереотипом подразумевается не отдельный поведенческий акт (фиксированный моторный акт), а организованная совокупность таких актов. Накопленные научные данные постулируют: во всех "разрешенных" случаях эволюция поведения направлена в сторону его *стереотипизации*, а не вариативности (Ю.М. Плюснин, 1990). Следовательно, детерминанты стереотипного поведения могут быть разной природы: генетической, эпигенетической, социокультурной. Проблема соотношения между ними может быть переформулирована следующим образом: возможен ли переход стереотипов поведения из-под контроля одного управляющего механизма под контроль другого и обратно? На индивидуально-поведенческом уровне стереотип является атомарным признаком независимо от того, детерминирован он генетически или воспитан и закреплён обучением. Стереотипы как социальные знаки, как *ритуалы* — признаки структурные, даже если они полностью наследственно обусловлены. Поэтому любые стереотипы могут стать ритуалами и приобрести социальный смысл, но только в случае необходимости этого для сообщества. Подобный процесс несколько случаев: неважно, какой поведенческий акт используется в качестве кандидата на *ритуал*, лишь бы он удовлетворял конкретным требованиям, прежде всего мог бы выполнять ту социально необходимую функцию переструктуризации сообщества, необходимость в которой возникла в данный момент. Подчеркнем: изменение стереотипа поведения имеет адаптивный для индивида характер. Например, при отсутствии способности к выраженному психоэмоциональному напряжению, необходимой для идиоадаптации, возникают приемы психологической защиты, включая отвлечение, ритуальное поведение при обсессивно-

фобических расстройствах, уклоняющееся поведение, снижение уровня вигилитета.

Механизм происхождения *ритуалов* в человеческом обществе определяется по аналогии со схемой, предложенной Тинбергенем для животных: социальные институты и средства социальной регуляции, обеспечивающие соблюдение *традиций*, базируются на общественном мнении, которое, в свою очередь, основано на предрассудках, сложившихся благодаря стереотипности мышления. Это доказанный путь от индивидуального сознания и поведения к социальным стереотипам, архетипам, мифам (Кэмпбелл, 1979). Как указывает Э.С. Маркарян (1983), дальнейшая перспектива функционирования социального стереотипа однозначна: при наличии во всяком обществе мощных механизмов сохранения и воспроизведения (так называемой "социорегулятивной подсистемы") стереотип поведения с бывшим ранее адаптивным свойством уже в качестве ритуала многократно воспроизводится в течение длительного времени после того как изменилась среда, вызвавшая необходимость в нем. Свойство перестает быть адаптивным, но сохраняет ритуальное значение! Поэтому традиционное общество с развитой системой ритуального поведения не обязательно является обществом, хорошо приспособленным к среде своего обитания, особенно в длительной исторической перспективе. Можно отметить ряд особенностей ритуалов, которые характеризуют их как социально обусловленные, структурные признаки: в отличие от стереотипа операциональное поле ритуала очень широко, оно может быть нецеленаправленным; ритуал, как правило, условен, конвенционален и общепонятен; ритуал всегда имеет особую, социорегулятивную цель — создание поведенческого и психологического единства в сообществе (Шрейдер, 1979). Эта последняя отличительная особенность ритуала подводит нас к проблеме функционального значения социального поведения. Аналогичная адаптивная функция присуща и ритуальному поведению: "во многих случаях удобнее поступить "как принято", чем каждый раз решать задачу выбора наиболее целесообразного поведения" (Шрейдер, 1979). Свободное "поисковое" поведение в

повседневной жизни проявляется относительно редко и обычно требует значительного психоэмоционального напряжения.

Процесс стереотипизации поведения включает освоение среды, ее организацию и включение в "картину мира" данного сообщества и требует значительных усилий и напряжения. В то же время выработанный и интернализированный (усвоенный) стереотип приобретает новую функцию: он позволяет автоматически предпочитать *свое в своем*. При характерологической или социокультурной "неспособности" к психоэмоциональному напряжению, завышенной мотивации и(или) недостатке в энергии, информации или времени, необходимых для адаптации, формируется конфликт влечений, потребностей, желаний, создавая почву для интрапсихического конфликта. Сложность функционирования человека заключается в одновременном существовании в разноразмерных системах: семья, работа, улица, село, страна и т.д. Неконструктивные стереотипы включаются в патологические ритуалы, детерминируя развитие ППР: "треугольник" Карпмана, созависимые семьи, деструктивные копинг-стратегии. Наиболее сильную дезадаптацию испытывает человек при разрушении системы ритуального поведения, той системы, в которой он был воспитан (социализирован и инкультурирован). Включение в новую культурную среду обязательно приводит к принятию новой системы ритуального поведения. Эта проблема современного мира — проблема "перемешивающихся культур" — лучше всего отражает трудности выработки новых ритуалов на индивидуальном уровне и на уровне сообщества, формируя невротичность современного общества.

Основная функция ритуально- традиционного поведения — социорегулятивная, именно в ритуальной деятельности индивидов "следует видеть внутренний источник самодвижения и активности социальной системы" (Маркарян, 1983). Сообщество как средство обеспечения совместной деятельности индивидов в своем развитии формирует и выдвигает ряд новых специфических потребностей, которые не имеют индивидуально-витального значения (не являются жизненно значимыми для индивида), а представляют собой потребности поддержания самого сообщества в качестве *социальной системы*, интегрированно-

го целого. В социальной системе возникает социорегулятивная подсистема как средство реализации данных потребностей. Активность социорегулятивной подсистемы направлена вовнутрь — на регуляцию структуры взаимодействий индивидов и поддержание на этой основе *целостности* всей системы. Непосредственным механизмом социорегулятивной подсистемы является институционализация — установление правил, норм, упорядочение поведения и его регламентация, что достигается с помощью ритуалов. При недостатке ресурсов конструктивная институционализация приводит к появлению "яслей", одновозрастных альянсов (самцы), "гаремов", межполовых альянсов (при этом сексуальные отношения исчезают), деструктивная — детерминирует образование "банд", гомосексуальных отношений. Давление неблагоприятной среды приводит к "выдавливанию" на периферию ареала менее ценных для популяции индивидов — молодняка и пожилых от "ядра", которое составляют фертильные самцы и самки зрелого возраста. Если О.В. Кербиков считал "ППР своеобразным барометром социально-экономического состояния общества", то заболеваемость ППР детей, подростков и пожилых является "индикатором уровня самих невротических расстройств" (И.В. Реверчук, 2003).

Различение по функциям стереотипов и ритуалов позволяет определить их цели. Цель стереотипного поведения заключается в воспроизводстве индивидуально ценного поведения, в сохранении генетической преемственности. Конечная цель ритуального поведения — обеспечение социального единства. Индивидуальные витальные потребности выступают как различные формы сохранения: 1) самосохранения (потребности в пище и питье — ресурсах поддержания жизни); 2) воспроизводства себя в других. В сообществе эта потребность сохранения приобретает новые формы и выступает как потребность сохранения *себя в сообществе*, выражаясь в поиске и удержании своего места в сообществе, и как потребность сохранения своего сообщества. В сообществе отношение к среде как примитивная персонализация ближайшего окружения осуществляется через трансакции с сородичами по поводу ресурсов. Если в отношении пищи как ресурса вопросов не возникает, то с пространством действитель-

ность намного сложнее. Ресурсом может быть не всякое пространство, а только имеющее социальную ценность, и качество пространства как ресурса зависит от его ценности, а не от размера. Отсутствие внутреннего индивидуального "пространства свободы", отдельного жилья, рабочего пространства и перенаселенность городских конгломератов являются одними из биологических триггеров возникновения ППР.

Второй инвариант сохранения касается воспроизводства. Взаимодействия двух или нескольких индивидов, направленные на воспроизводство себя, очень многообразны и с трудом поддаются какой-либо классификации. Но отношения, возникающие в результате этих многообразных взаимодействий, универсальны и осуществляются в сообществе, выступая как инвариант социальной организации ("институт семьи"). Предыдущие инварианты обусловлены лишь социально-витальными потребностями: потребностью сохранения себя в сообществе посредством сохранения своего места в нем и соответствующей роли, и потребностью сохранения своего сообщества через поддержание дружеских отношений с ближайшими сородичами.

Поэтому бессмысленно искать "биологические корни" в общепринятых ритуалах человеческого общества: ритуалы не возникают в эволюции из чего-то простого, индивидуально-биологического — они существуют сразу, с момента существования сообщества. И они, безусловно, специфичны. Можно прогнозировать, что начавшийся сейчас в этнологии и этнографии бум феноменологической классификации этнических стереотипов, этикета и ритуалов обречен на неудачу: каждое общество, как бы мало оно ни было, порождает свои собственные ритуалы и этикет, обычно для непосвященного бессмысленные (Ю.М. Плюсин, 1990). По утверждению В.Н. Карповича (1989), социальную структуру нельзя объяснить с помощью "естественной" классификации индивидов, на каких бы принципах она ни строилась. Социальные признаки человека не могут быть выведены из его индивидуальных характеристик, "социальные признаки вообще и место в социальной структуре в частности суть реляционные свойства, которые возникают лишь в системе определенных общественных отношений".

Это утверждение имеет универсальный характер и распространяется на социальные системы животных. Индивидуальность индивида может измерить антрополог, но индивидуальность поведения любого существа вне социального контекста лишена смысла. Каждый из нас помещен в "четырёхмерную систему координат", поведение каждого социально обусловлено. Следовательно, любое поведение в сообществе оказывается относительным наряду с генетически детерминированным социальным контекстом, в котором действуют субъекты. Потребности и диспозиции индивида являются признаками настолько социально определенными, что, не зная местоположения и роли данного индивида в сообществе, невозможно классифицировать мотивы и цели его поведения. "Нормы" поведения устанавливаются в каждом сообществе и обусловлены конкретными формами социальных отношений. Поэтому как "нормативность" поведения, так и его "моральность" в конечном счете оказываются реляционными характеристиками, признаками сообщества (Д.Д. Фрезер, 1983).

Подавляющее большинство ученых-этологов сходится в одном — в отрицании эволюционных процессов в социальной жизни животных. "Архетипичность" социальной организации, базирующаяся на четырех универсальных типах отношений индивида с сородичами, в которые он вступает по необходимости и независимо от того, на какой ступени "зоологической лестницы" располагается тот или иной вид, должна свидетельствовать о том, что многообразие форм социальных систем представляет собой вариации на одном качественном уровне, но не качественные различия, связанные с уровнем социальной организации. Сами взаимодействия, с учетом различий между ними, имеют общее основание и общие инвариантные формы отношений и, говоря языком эволюционистов, перед нами всего лишь "социальная идиоадаптация", но не ароморфоз, не переход на новый уровень организации.

Таким образом, психотерапевтический процесс, сфокусированный только на социокультурных или внутриличностных механизмах возникновения и развития ППР, является однобоким. Комплексный биопсихосоциальный анализ этиопатогенеза ППР

в каждом конкретном случае позволяет изменить психобиологические поведенческие паттерны больного невротическими расстройствами, образуя платформу саногенетического процесса.

Литература

1. Иванов-Смоленский А.Г. Очерки нейродинамической психиатрии. М., 1974.
2. Леви-Стросс Ж.К. Культурная антропология. М., 1994.
3. Леви-Стросс Ж.К. Первобытное мышление. М., 1991.
4. Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции. Новосибирск, 1990.
5. Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.
6. Тукаев Р.Д. Психотерапия: структуры и механизмы. М., 2003.
7. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М., 1983.